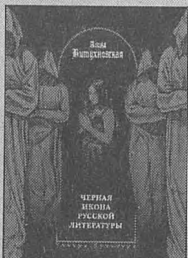

Черная лирика

Алина Витухновская,
«Черная икона
русской литературы».
М., Ультра.Культура, 2005

Кто-то думал, что любовь и лирика уже невозможны в поэзии. Предполагалось, что стихи превратились в тексты или в провокацию. Само собой считалось, что романтизм умер, и реанимация его возможна лишь как сю-сю, му-сю. И вдруг в самые крутые и беспросветные времена вне пафоса и, пожалуй, вне всякой литературы прозвучал этот абсолютно невнятный лир-бред? «Промолчу, как безязыкий зверь. Чтоб узнать, что у меня внутри. Разложи меня, как тряпочку, в траве, и скажи: Умри, лиса, умри». Критика эти строки не то чтобы не расслышала, но стала толковать их «в пакете». То есть, как это часто бывает, заикнулась на еще не начавшейся толком жизни автора и на уже вполне обозначившейся судьбе. «Покатились по лесу глаза, чтобы на тебя не посмотреть. Ты сказал: «Умри, лиса, умри, лиса». Это значит надо умереть».

Так начиналась да тут же на этом и закончилась лирика двадцатилетних в начале 90-х годов. Исторически она была действительно невозможна тогда и еще менее возможна сейчас. «Ржавым будущим по мне прошлась коса. Полумесяц вынул острый нож. Все сказала мне: «Умри, лиса, умри, лиса». Все убьет меня, и ты меня убьешь». Сколько глупостей надо было наговорить до, во время и после этих строк. Сколько натворить бед ради того, чтобы эти строки все-таки были.

Поэтам всегда кажется, что дело совсем не в стихах, а в так называемой жизни. Или в так называемой смерти. Поэтому Рембо отправляется в Африку торговать рабами и глушить опиум, а Маяковский по уши утонул в крови взалев воспеваемой революции. Но, как он же справедливо заметил, «поэзия — пресволочнейшая штукавина». Она не нуждается в признании поэтами или, смешно сказать, читателями. «Существует, и ни в зуб ногой».

Ситуация, в которой существует или, правильнее сказать, не существует современная поэзия, четко очерчена еще Адорно в 1951 году: «Сочинение стихов после Освенцима — безнравственное занятие». Это высказывание я бы дополнил: создание стихов до Освенцима — еще более безнравственное занятие. Витухновская пишет не до и не после, а во время Освенцима. «Музыка пахнет газовой камерой». Вот в чем дело. «Совета ждали от Папы Римского, от Чебурашки, Маркеса и Фрейда. Но явь наполнилась внеисторическим, от Лагерфельда». Речь идет о совершенно необживаемой метафизической ситуации. «Сумасшедший куратор», подвесивший вместо «Черного квадрата» самого Малевича в старомодном черном сюртуке, — один из лучших образцов этой поэзии. Квадрат Малевича из повешенного Малевича. Эта поэзия не для мешанина и не для буржуа. Был Бодлер, как сказала Новодворская, «с его цветочками зла». Но она же заметила, что и он кажется пресноватым после чтения Витухновской.

Впрочем, чтение — это слишком громко сказано. Никто толком и не читал. А жаль.

Витухновскую во время ее недавней поездки в Германию немецкая пресса назвала «черной мадонной современной поэзии». Ее с интересом изучают слависты и пытаются подверстать к постмодерну. Но это бессмысленное занятие. Витухновскую нельзя понять в контексте. Она сама — контекст. Окажется, бывает не только черный юмор, но и черная лирика.

Константин КЕДРОВ